Мария Ерофеева

О возможности акторно-сетевой теории действия

Статья посвящена проблеме агентности в акторно-сетевой теории в перспективе создания новой теории действия на основе ANT. Проблема способности к действию в современной социологии связана с вопросом о статусе материальных объектов в социальных взаимодействиях. В статье анализируются две стратегии приписывания агентности материальным объектам. Первая стратегия использует «модель аквариума», в которой способность к действию рассматривается как результат взаимодействия человеческих акторов с материальной средой. Материальные объекты не являются акторами, потому что у них нет интенциональности; следовательно, агентность людей и не-человеков сущностно отличается. В рамках этой стратегии невозможно анализировать совместное действие людей и вещей, так как агентность оказывается либо на стороне среды, либо на стороне акторов. Вторая стратегия, присущая ANT, основана на лишении онтологического статуса как людей, так и нечеловеков и переносе его на отношения между ними. Агентность понимается как эффект взаимодействия разнородных акторов и является распределенной в сети отношений, что позволяет рассматривать гибридное со-действие человеческого и не-человеческого. Однако акторно-сетевая концептуализация агентности сталкивается с рядом препятствий, связанных с ее радикальной реляционистской позицией.

В статье анализируется критика Г. Харманом философских оснований ANT, на основе чего формулируются потенциальные проблемы концепции распределенной агентности. Во-первых, существует проблема механизма приписывания агентности, поскольку ввиду нивелирования сущностных различий между людьми и не-человеками любые отношения начинают описываться в модальности долженствования. Во-вторых, есть проблема механизма распределения агентности, связанная с невозможностью вынести суждения о релевантности тех или иных объектов до наблюдения, поскольку действие рассматривается как изначально опосредованное. В заключение обсуждается решение, предложенное Латуром в проекте исследования модусов существования, и обозначаются перспективы дальнейшей работы над созданием акторно-сетевой теории действия.

Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС. Научные интересы: социологическая теория, социология повседневности, теория фреймов, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология. E-mail: malutcacnos@gmail.com

Maria Erofeeva — PhD in sociology; senior research fellow, Center for Sociological Research (RANEPA). Academic interests: sociological theory, sociology of everyday life, frame analysis, actor-network theory, object-oriented ontology. E-mail: malutcacnos@gmail.com

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, агентность, действие, контекст, поворот к материальному, реляционизм, Харман Грэм, faire c'est faire faire, ANT, AIME

Maria Erofeeva
On the Possibility of Actor-Network Theory of Action

The following article engages the problem of agency in actor-network theory, working towards a foundation for an ANT-based theory of action. The problem of agency in contemporary sociology concerns questions about material objects in social interactions. The author analyses two current strategies of ascribing agency to material agents. The first strategy uses the 'aquarium model', allowing us to treat agency as a result of human interaction with the material environment. Material objects are not actors, as they do not have intentionality. Consequently, human and non-human agencies are fundamentally different. This strategy does not allow one to analyze the joint action of people and things, since either the environment or the actors possess agency. The second strategy, peculiar to ANT, is based on denying the ontological status of both humans and non-humans, transferring it to their relations. Agency is understood as the distributed effect of interaction between heterogeneous agents. This allows one to consider hybrid action of human and non-human. However, the actor-network conception of agency encounters some obstacles that stem from its radical relationism. The author analyses Graham Harman's critique of the philosophical assumptions of ANT and explicates the potential pitfalls of the conception of distributed agency. Firstly, there is the problem of the mechanics of ascribing agency, since — by denying any essential differences between humans and non-humans — any kings of relations have to be described in the modality of 'oughtness'. Secondly, there is a problem with the mechanics of distributing agency. This problem is a consequence of the inherently mediated character of action, manifesting itself in the inability to evaluate the relevance of any given object in interaction prior to an observation. In the final sections, the article discusses the solution to those problems as suggested by Bruno Latour in his inquiry of the modes of existence, tracing the directions of future work on an actor-network theory of action.

Keywords: actor-network theory, agency, action, context, material turn, relationism, Harman Graham, faire c'est faire faire, ANT, AIME

В недавних публикациях по проблематике акторно-сетевой теории подчеркивается тот факт, что наиболее обсуждаемым вопросом, по крайней мере в России, является статус материальных объектов в социологической теории и агентность вещей в социальных взаимодействиях[1]**.** Подхватив один из латуровских лозунгов-тезисов «Объекты тоже

1 См. публикации в первом выпуске «Социологии власти» за 2015 г.

активны» (objects too have agency) или его популяризованную вариацию «Вещи тоже действуют», социологи начали лихорадочно подыскивать место материальным объектам в существующей модели общества. Это рвение вполне понятно: акторно-сетевая теория сегодня является мощнейшим интеллектуальным движением, и каждая социологическая перспектива (разумеется, какие-то теории больше, какие-то меньше) вынуждена считаться в определенной степени с ее последствиями, меняющими базовую аксиоматику дисциплины. Однако, по-видимому, поскольку Б. Латур для ANT является «фигурой тотемной» [Напреенко, 2013, с. 76] и даже «досрочно канонизированной» [Попов, 2014, с. 262], мало кто из социологов осмеливается оспаривать новизну ключевого для дискуссий тезиса об агентности вещей и задаться вопросом: «Неужели это такое большое достижение сказать, что роль вещей в наших научно-технических обществах велика и что они действуют?» [Кузнецов, 2015, с. 56].

Это не мешает самому Латуру иронизировать над кажущейся банальностью этого положения, а затем от звонких, но легковесных лозунгов перейти к тяжелой теоретической работе: «В конечном счете едва ли есть сомнения в том, что чайники „кипятят“ воду, ножи „разрезают“ мясо, корзины „носят“ продукты, молотки „бьют“ гвозди по шляпке <...> и т. д.» [Латур, 2014, с. 101]. Все перечисленные глаголы обозначают действие, но остается открытым вопрос, что значить действовать для материального объекта. Если оставить этот вопрос без ответа, акторно-сетевая теория превращается в риторическую стратегию. Затем она либо отрицается, потому что «антропоморфизирует вещи», либо с ее помощью множатся ряды представителей «нулевого поворота к материальному» [Вахштайн, 2015]. Хотя ANT далеко не исчерпывается тезисом об агентности материальных объектов (причем акцент здесь следует сделать на слове «агентность», а не на слове «материальные»), социология муравьев, или ползология (slowciology)[1], требует сделать здесь остановку, чтобы полностью оплатить издержки произведенного ей перемещения. Вещам открывается дверь в социальный мир через приписывание способности к действию.

Как мы узнаем из Введения в акторно-сетевую теорию, присутствие вещей в социальных взаимодействиях само по себе является тривиальным фактом: «Для социологов связей новым является не множество объектов, мобилизуемых в ходе всякого действия по мере его проявления — никто никогда и не отрицал, что их тысячи» [Латур,

1 Самоназвания акторно-сетевой теории. Аббревиатура ANT совпадает с английским словом ant — муравей. Также Латур использует словосочетания «социология ассоциаций» и «социология связей» для обозначения ANT.

2014, с. 103]. Гораздо более интересен вопрос об агентности материальных объектов — как они действуют? Но и сам по себе он не в полной мере раскрывает тезис «Объекты тоже активны». Все элементы высказывания должны быть задействованы, в том числе союз «тоже». Способность к действию вещей должна рассматриваться только в сопоставлении с человеческой агентностью: «Социологи ассоциаций хотят начать с удивления, а не как большинство их коллег, с мнения, что <...> объекты не делают ничего, по крайней мере, ничего сопоставимого или даже просто соединимого с человеческим социальным действием» [Там же, курсив в оригинале]. Следовательно, объекты не просто действуют, они действуют вместе с людьми и даже наравне с людьми.

Итак, вопрос об агентности материальных объектов открывает дискуссию о статусе не-человеческих акторов в социальном взаимодействии. Независимо от того, признается или не признается за ними способность к действию, теоретику нужно решить задачу более общего характера, а именно ответить на вопрос: может ли кто-то в принципе обладать большей агентностью, чем другие. Иными словами, агентность есть постоянная характеристика (человеческой) природы или переменная величина? Первый вариант сразу отбрасывается из-за невозможности приписать агентность материальным объектам. Во втором случае способность к действию может рассматриваться, к примеру, как следствие некоторых сущностных атрибутов, и тогда можно разделить человеческую и не-человеческую агентность. Или способность может пониматься как эффект структурных характеристик, и тогда материальные объекты составляют часть контекста, который оказывает влияние на протекание действия. Как следствие, любая современная теория, претендующая на объяснение материальности взаимодействий, вынуждена решать проблемы, связанные с соотношением индивидуальных (сущностных) и структурных характеристик на фундаментальном уровне. В определенном отношении это означает возвращение к классическому социологическому вопросу, получившему наименование дилеммы действия и структуры.

В статье мы проследим различные способы концептуализации способности к действию в социологической теории, чтобы обнаружить существующие стратегии приписывания агентности материальным объектам. Это позволит нам выявить истоки, преимущества, эпистемологические следствия и потенциальные проблемы стратегии, используемой в ANT, и ответить на вопрос, возможна ли акторно-сетевая теория действия[1].

1 Формат статьи не позволяет охватить все трансформации понимания действия в социологии, поскольку социальный мир рассматривается как мир

Спор о контексте: стратегии приписывания агентности материальным объектам

В зависимости от того, каким образом решается проблема агентности, не-человеческим акторам приписывается соответствующий статус. Одним из возможных вариантов является рассмотрение агентности как функции от структурной среды, в которой она возникает. Наиболее известная недавняя попытка проследовать в этом теоретическом направлении принадлежит представителям «реляционной прагматики» М. Эмирбайеру и Э. Мише. Они определяют агентность следующим образом: «сконструированная во времени включенность (engagement) акторов в различные структурные среды — темпорально относительные контексты действия — которая в результате взаимодействия привычки, воображения и суждения одновременно воспроизводит и трансформирует эти структуры в интерактивных ответах [акторов] на вопросы, поставленные исторически меняющимися ситуациями» [Emirbayer, Mische, 1998, p. 970]. Не важно, насколько относительными могут быть контексты действия, главное, что в таком подходе постулируется принципиальная возможность разделить акторов и среду, в которой они действуют. Деятели перемещаются между разными средами-аквариумами, содержание которых влияет на их способность к действию, подобно Ивану из «Конька-Горбунка», который после прыжка в котлы с молоком, кипятком и холодной водой стал неописуемым красавцем. В «модели аквариума» агентность есть результат взаимодействия акторов со средой.

В такой перспективе агентность может быть приписана материальному объекту отдельно от статуса актора. Он рассматривается как часть среды, с которой взаимодействуют акторы-люди. Эта линия рассуждения отчетливо прослеживается, например, в социологии науки Э. Пикеринга: «Наука и технология — это контексты, в которых человеческие агенты, очевидно, не играют первую скрипку» [Pickering, 1993, p. 562].[1] Расположение людей внутри материального контекста подразумевает, что люди и вещи действуют совершенно различным образом, хотя агентность и представляет собой их суммарный вклад в организацию деятельности. Логика данной теоретической программы позволяет рассматривать не-человеческую и человеческую агентность по отдельности. Согласно Пикерингу,

---

действия с момента возникновения дисциплины. Таким образом, мы опустим историческое измерение проблемы и ограничим анализ работами последних десятилетий.

1 Пикеринг продолжает развивать эту идею в более поздних работах [Pickering, 2000].

существенным отличием является то, что люди обладают интенциональностью, а материальные объекты — нет. Люди ставят цели и достигают их, и в этом корень их способности к действию — вещи тоже действуют, но у них нет намерений.

Приписывание неинтенциональной агентности материальным объектам сводит их роль во взаимодействии к ресурсам или ограничителям. При этом акцент делается на последнем, так как, если техника выступает ресурсом, ею можно легко пренебречь. Пикеринг рассматривает материальный мир как форму «сопротивления»; ученые «борются» в своей практике с не-человеческой агентностью[1]. Статус материального объекта, следовательно, заключается в его сдерживающем или даже разрушительном характере. В другом месте мы обосновывали тезис, что подобное понимание роли материальных объектов снижает методологическую значимость акторно-сетевого подхода, потому что даже когда признается действующая сила вещей, она никогда не является сопоставимой с человеческой агентностью [Ерофеева, 2015а].

Чтобы рассматривать материальные объекты как равноправных участников интеракции, необходимо допустить, что агентность людей и вещей не является следствием их сущностных различий. В частности, это означает распространить интенциональность на «неинтенциональные» сущности. «Если действие априори уже ограничено тем, что делают намеренно и осмысленно представители рода человеческого, то трудно увидеть, как способны действовать молоток, корзина, дверной замок, кошка, плед, кружка, расписание или этикетка. Они могут существовать в области «материальных» „каузальных“ связей, но не в *„рефлексивной“, „символической“ сфере социальных отношений*» [Латур, 2014, с. 101, курсив добавлен]. Это в свою очередь означает, что помимо человеческих есть также и не-человеческие акторы. В результате проблематизируется понимание агентности как взаимодействия акторов со средой, потому что становится непонятно, какие материальные объекты являются акторами, а какие составляют часть контекста. На фундаментальном уровне подвергается сомнению существование контекста действия как таковое. Обратимся к данной линии критики, которую мы обозначили как «спор о контексте».

Классическая социологическая концептуализация материальных объектов как преемственных ресурсов взаимодействия упрощает приписывание им агентности. Латур замечает, что когда социологи хотят показать, что взаимодействие опирается на то, что оно

1 На проблематичность этой точки зрения указывает, напр., Д. Бреслау [Breslau, 2000].

само не порождает, они обращаются к понятию контекста. «<...> мы видим массовое движение по широким дорогостоящим автострадам с огромными яркими указателями, на которых написано: «Контекст, 15 км, следующая остановка» <...> Недолгая езда по гладкому шоссе — и автострады вдруг исчезают как легкий дым. На остановке „Контекст“ нет места для парковки» [Там же, с. 234-235][1]. Латур утверждает, что у социолога нет и не может быть доступа к контексту. Не противоречит ли это положение одному из его собственных постулатов, а именно тому, что действие посредством материальных объектов связано с огромным количеством других мест, времен и действующих лиц? Почему то, благодаря чему существует взаимодействие, не образует вокруг него контекста? Что имеет в виду Латур, когда говорит, что дорога к контексту никуда не ведет?

Как в большинстве случаев с акторно-сетевой теорией, заявление звучит радикальней, чем то, что оно подразумевает. Когда событие рассматривается в сети связей с другими событиями, имеющими отличные пространственно-временную локализацию и список участников, понятие контекста становится запутывающим. Идея контекста побуждает исследовать структуру той самой среды, в которую помещаются акторы. Это, однако, оказывается невозможно: «Так много компонентов было упаковано в общество, индивида, познание, рынок, империю, структуру, взаимодействия лицом-к-лицу, что распаковать их уже так же невозможно, как прочитать сотню тысяч строк кода, образующего операционную систему, не говоря уже о том, чтобы попытаться переписать его» [Там же, с. 307][2].

Однако недифференцированность контекста — не самая главная проблема этого концепта. Подводные камни обнаруживаются, когда мы рассматриваем соотношение контекста с агентностью. «Са-

1 В одной из своих ранних работ Латур дает семиотическое обоснование отказа от идеи контекста. Поскольку единственным возможным средством репрезентации информации в науке являются тексты, любая апелляция социальных ученых к контексту — это еще один текст, в котором меняются только статусы сконструированных (переключенных) персонажей. Нет контекста, а есть только сосуществующие тексты [Latour, 1988].

2 Отказ рассматривать то, что находится в ситуации как часть контекста отчетливо прослеживается в следующем пассаже: «Да, надо признать, что взаимодействия изобилуют компонентами, уже в готовом виде пришедшими из других времен, иных пространств и от иных агентов; да, надо согласиться уйти в другие места, чтобы найти источники этих многочисленных компонентов. Но, выйдя за рамки конкретного взаимодействия, мы должны, не обращая внимания на гигантские указатели „К Контексту“ или „К Структуре“, свернуть в нужном углу и сменить широкую автостраду на пешую прогулку по узкому пути — не шире ослиной тропы» [Там же, с. 240].

мое печальное следствие теории контекста в том, что она заставляет придерживаться двойной бухгалтерии: все приходящее извне вычитается из общей суммы действия, оставленного агентам „внутри“. При таком типе баланса чем больше добавляется угроз, чтобы извне заставить вас действовать, тем меньше действуете вы сами: таков неизбежный результат этой счетной процедуры. И если бы вы захотели — по моральным или политическим причинам — спасти намерения, инициативу и креативность актора, то для этого остался бы только один способ — увеличить общую сумму действия, идущего изнутри, отрезав некоторые из угроз, и тем самым отказать в роли тому, что сейчас рассматривается как „путы“, „внешнее принуждение“, „ограничения свободы“ и т. д. Или вы свободный субъект, или живете в унизительном подчинении» [Там же, с. 299-300, курсив в оригинале][1].

В процитированном объемном отрывке следует обратить внимание на два момента. Во-первых, на слова «внутри» и «извне». Латур описывает модель, в которой акторы помещены в структурный контекст; их действия протекают «внутри», влияние контекста проистекает «извне» — это «аквариум». Точно такую же модель мы имеем, когда рассматриваем агентность как результат взаимодействия акторов со средой. Во-вторых, на сам принцип вычитания. Включение материального контекста приводит к тому, что снижается способность к действию людей, и наоборот. Получается, не-человеческая и человеческая агентности противостоят друг другу. Невозможно представить себе ситуацию «кооперации» людей и вещей. Резюмируем: мы не можем отделить акторов от среды, потому что, если мы принимаем «модель аквариума», агентность распределяется между тем, что внутри (акторы), и тем, что снаружи (контекст). На сцену в свет рампы выходят либо люди, либо вещи — одновременно они играть не могут.

Более того, сама идея контекста/структуры как того, что отнимает способность к действию у акторов, сводит значение понятия агентности на нет. Это особенно ярко видно в современном развитии системной теории. Например, С. Фухс утверждает, что возможность наблюдать агентность зависит от масштаба рассмотрения проблемы [Fuchs, 2001, p. 25-26]. Пока исследователь изучает действия и вза-

1 Принцип вычитания в объяснении делает его редукционистским, так как конечный набор причин или факторов репрезентирует многие другие элементы, которыми, следовательно, можно пренебречь. Вместо этого Латур предлагает анализировать, как строятся объяснения, т. е. использовать ирредукционистский принцип сложения, который «прибавляет работу редукции ко всему остальному вместо того, чтобы вычитать все остальное, когда редукция осуществлена» [Латур, 2012, с. 124, курсив в оригинале].

имодействия на предполагаемом микроуровне, он может атрибутировать агентность актору как тому, кто обладает намерениями, желаниями, потребностями, верованиями и т. п. Однако если мы продолжим применять «наблюдательную» стратегию Фухса для исследования форм намерений, потребностей и верований, мы обнаружим, что агентность растворяется в социальной структуре: намерения, потребности, верования, роли, идентичности представляют собой либо элементы, либо эффекты социального (символического) порядка. Как указывает один из критиков: «Именно в этом смысле социально воспроизводимая агентность всегда ускользает от нас: в тот самый момент, когда мы полагаем, что ухватили ее, мы осознаем, что то, что мы держим в руках, есть не более чем некоторые элементы социальных структур» [Wang, 2008, p. 485-486].

В результате приписывания материальным объектам агентности как элементам контекста устраняется сама идея агентности, причем как для не-человеческих, так и для человеческих акторов. Это означает, что теоретический пафос поворота к материальному обращается в свою полную противоположность. Это происходит потому, что акцент на способе приписывания агентности не-человекам оставляет в стороне вопрос о самой человеческой способности к действию. В рассмотренных теоретических программах нерефлексивно принимается аксиома, что быть человеком означает обладать агентностью. При таком базовом допущении единственным возможным дальнейшим шагом является поиск способов распространения человеческой агентности на материальные объекты. Таким образом, любое понимание агентности, выработанное в рамках этих направлений, восходит к рассмотрению человека как активного агента действия. Акторно-сетевая теория отказывается от этой основной аксиомы.

Существует принципиально иной способ наделить материальные объекты способностью к действию. Это не пытаться распространить на них характеристики людей, а лишить агентности и тех, и других. Данный теоретический ход связан с переносом онтологического статуса с определенных сущностей (социальное, материальное) на отношения между ними. В Батской дискуссии Латур и Каллон пишут: «мы никогда не хотели принимать существенный источник их [ученых-естественников] силы: а именно само распределение между тем, что является природным, и тем, что является социальным, вместе с сопутствующим приписыванием фиксированного онтологического статуса [этим регионам]» [Callon, Latour, 1992, p. 348]. Нет специфически человеческой или специфически не-человеческой агентности, которые сталкиваются друг с другом, сам по себе статус человека или вещи еще ничего не значит. Далее по тексту: «Мы должны начинать не с фиксированного репертуара

действующих лиц (agencies), а с самого акта распределения и трансляции агентностей» [Ibid, p. 350]. Агентность есть эффект взаимодействия между акторами.

В таком понимании агентности сделан акцент на совместности действия людей и вещей. В данном случае на сцену выходят и люди, и вещи — они не могут играть уже по отдельности. Это находит отражение в понятии гибридизации. В работе «Нового Времени не было» Латур постулирует необходимость полностью избавиться от дихотомии субъекта и объекта, разделяющей социальный и природный миры [Латур, 2006]. Любое действие или взаимодействие осуществляется посредством огромного числа объектов. Равным образом вещи не существуют вне человека, потому что они навсегда спаяны как со своими создателями, так и с теми, кто их использует или с ними сталкивается. Субъективность людей — такая же абстракция, как объективность материальных объектов, потому что они не могут существовать раздельно. Вместе люди и вещи составляют действующие гибриды: квази-объекты или квази-субъекты. В акторно-сетевой теории действие изначально является опосредованным, а способность к действию — распределенной в сети акторов.

Три загадочных «F» акторно-сетевой теории

Отказ от идеи контекста обусловлен переносом исследовательского интереса с действий и структур, материального и социального на способы перемещения, и взаимодействия между ними ввиду «невозможности оставаться на одной из двух позиций продолжительное время» [Латур, 2014, с. 239]. Это способ мышления о социальном мире является чертой теоретического движения в современной социологии, которое можно обозначить как реляционизм. Основной задачей этого направления является выработка новой онтологии социального, акцентирующей решающую роль отношений в конструировании и поддержании социальной реальности. Несмотря на общность цели, реляционизм не является однородным течением, потому что цель достигается по-разному. Например, С. Мютцель указывает на следующее фундаментальное различие между реляционной социологией (М. Эмирбайер, Дж. Гудвин, М. Сомерс и др.) и акторно-сетевой теорией: реляционная социология отказывает не-человеческим акторам в привилегии создавать значения, тогда как акторно-сетевая теория распространяет агентность (интенциональность) и на не-человеческих акторов [Muetzel, 2009]. То есть они используют разные стратегии приписывания агентности материальным объектам.

Представление о том, что не-человеческие акторы не способны создавать значения, наблюдаемое в реляционной социологии,

предполагает в качестве базового допущения, что агентности людей и материальных объектов все-таки отличаются, хотя решающими являются их отношения. Для акторно-сетевой теории статус человека или объекта сам по себе не играет никакой роли, важны только отношения между ними. В этом смысле акторно-сетевая теория представляет собой радикальный вариант реляционизма. Акцент на отношениях между акторами различной природы, расставляемый в ANT, имеет далеко идущие эпистемологические следствия. У акторов независимо от их природы нет агентности; агентность есть внутренняя характеристика действия, проявляющаяся как эффект взаимодействия акторов. Таким образом, материальные объекты рассматриваются не только как действующие, но и как равноправные деятели по отношению к человеку в том смысле, что ни у тех, ни у других нет никаких «прав». Акторы могут различаться по их способности к действию, но эти различия проистекают не из внутренне присущих им характеристик, а из текущей конфигурации агентности во взаимодействии.

Несмотря на то что радикализм часто используется всего лишь как риторический прием во многих социологических концепциях, в акторно-сетевой теории он оказывает действительно позитивный эффект на создание новых концептуализаций. В частности, он позволяет сформулировать новую концепцию действия. Если ни у людей, ни у объектов нет агентности per se, значит, она есть эффект взаимодействия между ними. Следовательно, агентность распределена в сети отношений. Это в свою очередь означает, что мы не можем однозначно ответить на вопрос «кто действует?». Поэтому Латур переформулирует его в более подходящий: «Кто еще действует, когда действуем мы?»[1] [Латур, 2014, с. 64]. Нет единичных акторов, есть только «актор-сети».

Хотя такая концептуализация действия, несомненно, является очень продуктивной, она сталкивается с рядом трудностей как с философской, так и с социологической точек зрения. Все их можно развернуть по отношению к знаменитому латуровскому определению действия «faire c'est faire faire» (далее FFF). Мы намеренно не будем приводить здесь перевод, потому что разные версии акцентируют потенциальные проблемы этой формулы. Рассмотрим их последо-

1 Декартовское утверждение несомненности «Мыслю, следовательно, существую» предполагает вопрос о распределенности мышления и знания. Можно задать этот вопрос в духе Латура: «Кто еще мыслит, когда мыслю я?». Можно найти много интересных параллелей между концепцией распределенной агентности и метафизикой Нового времени. Подробнее о концепции распределенного знания в философии Нового времени см. [Малышкин, 2015].

вательно, начиная с философской критики, которая широко представлена в первой работе Г. Хармана о Латуре [Harman, 2009]. Харман ставит пять базовых вопросов к концепции Латура: о реляционной модели в целом; об идентичности объекта; о материализме; о переводе между акторами; о космологии латурианского мира. Мы не будем освещать здесь все, остановимся только на двух.

В статье «Об интеробъективности» есть следующая формулировка: «Действовать — значит опосредовать действия другого» [Латур, 2007, с. 91]. На наш взгляд, она гораздо лучше подходит для объяснения принципа FFF по сравнению с вариантами, предложенными переводчиками[1]. Действие никогда не единично, «один в сети не актор», оно всегда смещено, транслировано, переведено [на других акторов]. Каждый является посредником действия каждого. В акторно-сетевой теории посредники характеризуются «способностью каждого актора побудить других акторов делать неожиданные вещи» [Латур, 2014, с. 181, курсив в оригинале].[2] Как указывает Харман, такая концептуализация действия неизбежно приводит к парадоксу Зенона [Harman, 2009, p. 145]. Если для осуществления действия нужен посредник — значит, и для действия посредника нужен посредник, и так далее до бесконечности. Более того, в этой модели непонятно, как вообще начинается взаимодействие между акторами (точнее, почему оно не начинается раньше), ведь действие опосредовано изначально, т. е. еще до установления связей. Скажем, два человека знакомы с Жолио[3]. Почему же он их сразу не познакомил?

Харман полагает, что для разрешения этого парадокса необходимо допустить возможность прямых (не опосредованных) связей между объектами, что находит выражение в его концепции замещающей причинности [Харман, 2012]. Однако Латура этот ответ не может устроить, потому что он бы разрушил только что созданную концепцию действия. Хотя в самой акторно-сетевой теории еще не существует завершенного решения проблемы «бесконеч-

1 В русском переводе «Делать — значит делать свершившимся» [Латур, 2007, с. 90] английского «To do is to make happen» [Latour, 1996, p. 237]. Первый вариант добавляет смысловой оттенок завершенности действия и по сути переводит конструкцию «faire c'est faire fait», которая соответствует английской «to have something done». Второй вариант более точный, но он не вполне отражает идею, что действие делегируется другому актору, хотя в нем и присутствует этот элемент («делать — значит создавать условия для свершения»).

2 Мы здесь не затрагиваем различие между посредниками (mediators) и проводниками (intermediaries).

3 Харман использует имя Жолио для обозначения любого актора — посредника в переводе, опираясь на анализ Латуром работы французского химика Ф. Жолио.

ных посредников», его наметки можно найти уже в «Пересборке социального». Оно лежит в различении соединителей (connectors) и того, что соединяется. Стандарты, квази-стандарты, собирающие формулировки — это те каналы, по которым что-то циркулирует. «А теперь сложный момент, подобный соломинке, сломавшей хребет верблюда: перемещение — да, но чего? Что значит говорить о правовом, религиозном, научном, техническом, экономическом и политическом способах установления связей?» [Латур, 2014, с. 330]. Перемещаются силы, значения или разные типы сущностей. Эти идеи находят дальнейшее развитие в «Исследовании модусов существования» [Latour, 2013a], где окончательно проведена граница между сетью и политикой, религией, правом, экономикой, наукой и техникой как разными модусами. Соответственно только некоторые сущности являются посредниками, другие же нет (или они являются посредниками по-другому).

С помощью этого хода Латуру удается сохранить принципиальную опосредованность действия, но взамен приходится жертвовать радикальной реляционистской позицией. Признание существования разных типов сущностей подразумевает, что они отличаются не только совокупностью своих связей. Последнее положение тоже оказалось под прицелом хармоновской критики. Как мы показали в первой части статьи, применяемая в ANT стратегия приписывания агентности объектам основана на лишении людей и вещей онтологического статуса. Они становятся равноправными, когда стираются их сущностные различия. В философских терминах в латурианском мире у объектов нет первичных качеств, есть только вторичные, которые определяются совокупностью их отношений. Однако, как показывает Харман, если нет первичных качеств, значит, объекты ничем не отличаются друг от друга [Harman, 2009, p. 129]. По его словам, отрицание первичных качеств является достаточным основанием, чтобы отказаться от концепции, потому что, во-первых, совокупность отношений не объясняет, почему она должна измениться, во-вторых, почему объект один и тот же, а не тысячи конфигураций отношений. «Латур в Ecole-des-Mines» и «Латур в Sciences-Po» — это разные системы отношений, но это один и тот же Латур[1]; «отношения не исчерпывают вещь, напротив, они полагаются (rely) на вещь» [Ibid, p. 132, курсив в оригинале].

Однако нужно сначала до конца разобраться с агентностью с учетом харманoвского анализа. Предельный реляционизм является противоречивой установкой внутри самой акторно-сетевой теории.

1 На чем он сам настаивает, указывая на интеллектуальную преемственность своей биографии [Latour, 2013b].

Повторим: если объекты определяются исключительно их отношениями, значит, они ничем не отличаются друг от друга. Это следствие делает латурианскую социологию уязвимой мишенью для критики. Если все акторы одинаковы, вопрос заключается в критерии этой одинаковости. В зависимости от выбора критерия ANT открыта обвинениям в «антропоморфизации вещей» (вещи такие же, как люди) или «кибернетизации людей» (люди такие же, как вещи) [Напреенко, 2015]. Это происходит из-за того, что нивелируется представление, согласно которому одинаковость людей и вещей должна рассматриваться только методологически [Ерофеева, 2015а].

Проблема не в том, что акторно-сетевая теория стремится к антропоморфизации/кибернетизации. На уровне программных заявлений любые «морфизмы» отрицаются как форма редукции, дающая квалификацию действующему лицу, вместо того чтобы прослеживать ее происхождение. Проблема в том, что разработанный в ANT механизм приписывания агентности материальным объектам устроен таким образом, что неизбежно приводит к этому результату. Поскольку базовой моделью материального объекта в ANT является технологический объект [Вахштайн, 2013], форма отношений человека с технологией переносится на другие типы отношений. Наиболее наглядным является взаимодействие в модальности долженствования. Грузики на отельных ключах «заставляют» постояльцев возвращать их портье, а «лежачий полицейский» — сбрасывать скорость. Если эту модальность распространить на другие формы отношений, например в семье, получится фукольдианское дисциплинарное общество. Следовательно, возникает еще одна версия перевода принципа тройного F: «делать — это заставлять делать» [Напреенко, 2015, с. 113].

Опять же проблема не в том, что материальные объекты наделяются принуждающей (уже по отношению к социальному) силой. «Это, конечно, не значит, что такие участники [не-человеки] „детерминируют“ действие, что корзина „служит причиной“ доставки продуктов или молотки „заставляют“ забивать гвоздь. Подобное обращение вспять направленности воздействия просто превратило бы объекты в причины, следствия которых передавались бы через человеческие действия, теперь сведенные к следу простых проводников» [Латур, 2014, с. 102]. Как вещи принуждают людей, так и люди принуждают вещи совершать какие-то действия. Проблема заключается в том, что весь спектр возможных взаимодействий сводится к отношениям принуждения. И это — следствие механики самой модели, а не идеологической позиции ее авторов. «Скорее, это означает, что между причинностью в полном смысле слова и абсолютным небытием может существовать множество метафизических полутонов. Вещи могут не только „детерминировать“

или служить „фоном человеческого действия“, но еще и допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т. д.» [Там же]. Акторно-сетевая теория предполагает другие модальности, но пока отсутствует внятный механизм их схватывания.

Соответственно более точным по смыслу был бы следующий перевод принципа FFF: «делать — значит делать делающим» (или «соделывать», если воспользоваться устаревшим словом). В нем отсутствует указание, какую именно форму примут отношения в том или ином взаимодействии. Если принять во внимание вектор развития ANT в сторону AIME (An Inquiry into Modes of Existence), проекта исследования модусов существования, можно предположить, что проблема механизма приписывания агентности, или проблема модальностей, будет решаться через атрибутирование каждому модусу специфического типа модальности. Для технологии это модальность долженствования. Однако это относительно слабое решение. Во-первых, оно скорее поднимает новые вопросы, чем предлагает ответы. Почему определенному модусу присущ именно этот тип модальности? Возможны ли множественные модальности в рамках одного модуса? Что происходит с модальностями, когда модусы перекрещиваются? И так далее, и тому подобное. Во-вторых, как мы уже говорили, оно предполагает отказ от исходной предпосылки ANT — радикального реляционизма. Если мы хотим сохранить верность классической акторно-сетевой парадигме, необходимо поискать другое теоретическое решение.

Существует еще одна проблема, связанная с предложенным в ANT механизмом приписывания агентности объектам. Как было показано в первой части статьи, акторно-сетевая теория предлагает концепцию распределенной агентности, в которой конфигурации агентности в данном конкретном взаимодействии представляют собой эффект взаимодействия разнородных акторов. Поскольку ни люди, ни не-человеческие акторы не различаются по типу присущей им способности к действию (следствие реляционизма), она является результатом их взаимодействия. Важна не природа действующих лиц (социальная, материальная), а те отношения, в которые они вступают друг с другом. Агентность распределена в сети отношений. Эта концепция подчеркивает идею совместного действия людей и вещей. Именно вследствие того, что не существует индивидуального субъекта действия, возникает проблема построения сети. Сеть могут составлять мириады элементов, но какие являются релевантными, т. е. определяют специфику конкретной ситуации действия?

Что распределенное понимание агентности дает для решения проблемы релевантности тех или иных объектов? То, какой вклад

вносит актор во взаимодействие, зависит не от его функциональности или дисфункциональности, а от того, меняет он что-то в ситуации или нет. Можно сказать, что релевантность объектов зависит от того, как агентность распределена между человеческими и нечеловеческими акторами. Напрашивается предположение о существовании устойчивых конфигураций агентности. Например, действие в новых и типичных ситуациях. В то же время, если мы берем на вооружение акторно-сетевую концепцию агентности, мы оказываемся не в состоянии выносить суждения о релевантности тех или иных объектов во взаимодействии до непосредственного наблюдения.

Здесь мы вновь возвращаемся к переводу принципа FFF «действовать — значит опосредовать действие» и к имплицируемой им проблеме «бесконечных посредников». Когда каждый актор является посредником действия другого, количество связей мультиплицируется. Чтобы ответить на латуровский вопрос, «Кто действует, когда действуем мы?», нужно «следовать за акторами» и отслеживать их связи. Но всю совокупность связей невозможно отследить, потому что они многократно превосходят ресурсы исследователя. И когда следует остановиться в отслеживании этих связей, если они потенциально безграничны?

Латур прекрасно понимает эти проблемы: «Не смешно ли заявлять, что исследователи должны идти за самими акторами», а акторы — носиться туда-сюда, сопровождаемые исследователями, как пчелиный рой, растревоженный своенравным ребенком? Какого актора выбрать? За каким актором идти, и как долго? А если каждый актор сам в свою очередь образован из пчелиного роя, носящегося туда-сюда, и так до бесконечности, то когда нам, черт побери, останавливаться?» [Латур, 2014, с. 172]. Его ответ заключается в том, что социологическое описание — одно из многих, и понять, хорошо ли вы проследили сеть, можно только по результату — изменило ли оно что-то в мире (причем не только в научном сообществе)? Разумеется, такой прагматический ответ не может устроить эпистемолога. В акторно-сетевой теории существует проблема с механизмом распределения агентности по сети[1].

Заключение

Акторно-сетевая теория — идеальный кандидат для создания новой теории действия в социологии, ведь в ее мире не может быть без-

1 Мы предлагаем одно из возможных решений, основанное на совмещении акторно-сетевой теории и фрейм-анализа [Ерофеева, 2015b].

действующих сущностей. Даже вещи теперь действуют. Но что это значит? Можно ли на этом фундаменте построить новую социологию действия? Эта статья пыталась разобраться с первым вопросом, чтобы ответить на второй.

В первой части мы рассмотрели концептуализации способности к действию в современной социологической теории, чтобы обнаружить существующие стратегии приписывания агентности материальным объектам. Первая использует «модель аквариума», в которой агентность приписывается отдельно от статуса актора и является результатом взаимодействия акторов с материальной средой. Вторая, присущая ANT, понимает агентность как эффект взаимодействия между разнородными акторами. Основное отличие между ними заключается в статусе, которым наделяются не-человеки: в первом случае их способность действия отличается от человеческой (в частности, у них нет интенциональности); во втором ни люди, ни вещи не обладают никакой специфической агентностью: она складывается как эффект их отношений и поэтому распределена по сети. Концепция распределенной агентности появляется как ответ на невозможность «модели аквариума» объяснить совместное действие людей и вещей, потому что агентность оказывается либо на стороне среды, либо на стороне акторов-людей.

В новой, доработанной концепции действия вещи действуют, потому что действуют вместе с людьми и с ними наравне. Достичь равенства, или симметрии, получается, когда и человеческие, и нечеловеческие акторы лишаются самостоятельного онтологического статуса, которым взамен наделяются их отношения (установка предельного реляционизма). Внутренняя противоречивость этой установки ставит два больших препятствия на пути развития новой социологии действия. Во-первых, используемый в ANT механизм приписывания агентности приводит к тому, что базовой формой отношений становится принуждение. Это следствие того, что отрицаются сущностные различия между людьми и вещами, и все отношения начинают описываться по модели взаимодействия человека с технологией. Во-вторых, механизм распределения агентности устроен таким образом, что невозможно вынести суждения о релевантности тех или иных объектов в конкретной ситуации до непосредственного наблюдения. Это следствие понимания действия как опосредованного, что многократно увеличивает список действующих лиц в любой ситуации.

Названные проблемы являются актуальными и для самой акторно-сетевой теории. Способ их решения, предложенный Латуром в его последней книге, предполагает отказ от радикального реляционизма. В «Исследовании модусов существования» Латур признает наличие разных типов сущностей (научных, технических,

политических, религиозных, правовых и т. д.), которые не могут быть сведены к совокупности их отношений. Это позволяет ему уйти как от проблемы механизма приписывания агентности, потому что теперь каждому модусу существования можно присвоить свою модальность взаимодействия, так и от проблемы механизма распределения агентности, потому что больше нет бесконечных посредников действия, а есть модусы, осуществляющие и не осуществляющие опосредование. Однако это решение не является настоящим решением, так как ставит больше вопросов, чем дает ответов. Дальнейшая работа над созданием акторно-сетевой теории действия может продолжится либо в пределах классической ANT, и тогда обозначенные проблемы остаются актуальными, либо в области разработки AIME, и тогда на первый план выходит не меньшее число проблем, сформулированных в терминах новых концептуализаций.

Возможна ли акторно-сетевая теория действия? Несомненно, но для ее создания нужно приложить еще немало усилий.

Библиография

Вахштайн В. С. (2013) К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция. Логос, 92 (2): 3-37.

Вахштайн В. С. (2015) Три «поворота к материальному». Антропологический форум, 24: 22-37.

Ерофеева М. А. (2015a) Акторно-сетевая теория и проблема социального действия. Социология власти, (1): 17-36.

Ерофеева М. А. (2015b) Люди и/или технологии? Релевантность материальных объектов в повседневном взаимодействии. Социология науки и технологий, 6 (4): 140-153.

Кузнецов А. Г. (2015) Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории. Социология власти, (1): 55-89.

Латур Б. (2006) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии, СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. Социологическое обозрение, 6 (2): 79-96.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. Социология власти, (8): 113-143.

Латур Б. (2014) Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию, М.: ИД ВШЭ.

Малышкин Е. В. (2015) Омонимия «я» и распределенное знание. Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология, (4).

Напреенко И. В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. Социология власти, (1–2): 75-98.

Напреенко И. В. (2015) Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? Социология *власти*, (1): 108-121.

Попов С. П. (2014) Рецензия на книгу: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004. Социология власти, (1): 262-266.

Харман Г. (2012) О замещающей причинности. Новое литературное обозрение, 114 (2): 75-90.

Breslau D. (2000) Sociology After Humanism: A Lesson from Contemporary Science Studies. *Sociological Theory*, 18 (2): 289-307.

Callon M., Latour B. (1992) Don't throw the baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 343-368.

Emirbayer M., Mische A. (1998) What Is Agency? *American Journal of Sociology*, 103 (4): 962-1023.

Fuchs S. (2001) Beyond Agency. *Sociological Theory*, 19 (1): 24-40.

Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re-press.

Latour B. (1988) A Relativist Account of Einstein's Relativity Application. *Social Studies of Science*, 18: 3-44.

Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*, 3 (4): 228-245.

Latour B. (2013a) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (2013b) Biography of an inquiry: On a book about modes of existence. *Social Studies of Science*, 43 (2): 287-301.

Muetzel S. (2009) Networks as Culturally Constituted Processes. *Current Sociology*, 57 (6): 871-887.

Pickering A. (1993) The Mangle of Practice: Agency and Emergence in the Sociology of Science. *American Journal of Sociology*, 99 (3): 559-589.

Pickering A. (2000) The Objects of Sociology: A Response to Breslau's 'Sociology After Humanism'. *Sociological Theory*, 18 (2): 308-316.

Wang Y. (2008) Agency: The Internal Split of Structure. *Sociological Forum*, 23 (3): 485-486.

References

Callon M., Latour B. (1992) Don't throw the baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley. A. Pickering (ed.) *Science as practice and culture*, Chicago: University of Chicago Press: 343-368.

Emirbayer M., Mische A. (1998) What Is Agency? *American Journal of Sociology*, 103 (4): 962-1023.

Erofeeva M. A. (2015a) Aktorno-setevaia teoriia i problema sotsial'nogo deistviia [Actor-network theory and problem of social action]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1): 17-36.

Erofeeva M. A. (2015b) Liudi i/ili tekhnologii? Relevantnost' material'nykh ob» ektov v povsednevnom vzaimodeistvii [People and/or technologies? The relevance of material objects for everyday interaction]. *Sotsiologiia nauki i tekhnologii* [Sociology of Science & Technology], 6 (4): 140-153.

Fuchs S. (2001) Beyond Agency. *Sociological Theory*, 19 (1): 24-40.

Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re-press.

Harman G. (2012) O zameshchaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 114 (2): 75-90.

Kuznetsov A. G. (2015) Latur i ego «tekhnolog»: veshchi, ob» ekty i tekhnologii v aktorno-setevoi teorii [Latour and his «technologist»: things, objects and technology in actor-network theory]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1): 55-89.

Latour B. (1988) A Relativist Account of Einstein's Relativity Application. *Social Studies of Science*, 18: 3-44.

Latour B. (1996) On Interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*, 3 (4): 228-245.

Latour B. (2006b) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern], SPb: European University in Saint Petersburg.

Latour B. (2007) Ob interob»ektivnosti [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 6 (2): 79-96.

Latour B. (2012) Politika ob»iasneniia: al'ternativa [The Politics of Explanation: an Alternative]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (8): 113-143.

Latour B. (2013a) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (2013b) Biography of an inquiry: On a book about modes of existence. *Social Studies of Science*, 43 (2): 287-301.

Latour B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social: an introduction to Actor — network theory], Moscow: Higher School of Economics.

Malyshkin E. V. (2015) Omonimiia «ia» i raspredelennoe znanie [The homonymy of «Me» and distributed knowledge]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], (4).

Muetzel S. (2009) Networks as Culturally Constituted Processes. *Current Sociology*, 57 (6): 871-887.

Napreenko I. V. (2013) Semioticheskii povorot v STS: teoriia referenta Bruno Latura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's theory of referent]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1-2): 75-98.

Napreenko I. V. (2015) Delegirovanie agentnosti v kontseptsii Bruno Latura: kak sobrat' gibridnyi kollektiv kiborgov i antropomorfov? [Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: how to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs?]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1): 108-121.

Pickering A. (1993) The Mangle of Practice: Agency and Emergence in the Sociology of Science. *American Journal of Sociology*, 99 (3): 559-589.

Pickering A. (2000) The Objects of Sociology: A Response to Breslau's 'Sociology After Humanism'. *Sociological Theory*, 18 (2): 308-316.

Popov S. P. (2014) Retsenziia na knigu: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004 [Book review: Law J. After Method: Mess in Social Science Research. London: Routledge, 2004]. *Sotsiologiia vlasti* [Sociology of Power], (1): 262-266.

Vakhshtayn V. S. (2013) K mikrosotsiologii igrushek: stsenarii, afordans, transpozitsiia [Towards microsociology of toys: script, affordance, transposition]. *Logos* [Logos], 92 (2): 3-37.

Vakhshtayn V. S. (2015) Tri «povorota k material'nomu» [Three material turns]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], (24): 22-37.

Wang Y. (2008) Agency: The Internal Split of Structure. *Sociological Forum*, 23 (3): 485-486.